

ОБСУЖДЕНИЕ ЗАКОНОПРОЕКТА О РЕФОРМЕ МЕСТНОГО СУДА В III ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ

Законопроект о реформе местного суда, бывший частью столыпинской программы реформ, направленных на оформление конституционной монархии [5, с. 24], 1 ноября 1907 г. был представлен в III Государственную думу и 27 января 1908 г. оглашен в общем собрании Думы, по постановлению которой передан в комиссию по судебным реформам. Доклад комиссии был внесен в общее собрание 20 сентября 1909 г. Обсуждение законопроекта проходило с 30 октября 1909 г. по 31 марта 1910 г. Одной из основных проблем, по словам В.И. Герье, был дуализм, существовавший в судебной системе России: наряду с судьями, судящими по писаным законам, существовал собственно крестьянский волостной суд, руководствующийся обычным правом [1, с. 42].

Докладчиком Комиссии по судебным реформам был ее председатель, член фракции «Союза 17 октября» [3, с. 16, 36] депутат Н.П. Шубинской. По его словам, несмотря на объемность законопроекта, его главная суть в том, что предстоит восстановить институт мировых судей в том объеме, в котором он был введен в годы Великих реформ 1860-х гг. [2, с. 1024 и 1026]. Волостные же суды председатель комиссии по судебным реформам критикует, упрекая их членов в недобросовестности и малограмотности. Волостной суд для Шубинского – это и не суд вовсе [2, с. 1029], он предлагает упразднить его. Земских начальников он вообще назвал гувернерами при волостных судах [2, с. 1026 и 1034].

Стоит также отметить, что в отличие от кадета Гессена, докладывавшего по тому же законопроекту, октябрист Шубинской вовсе не считает изъяном в правительственном законопроекте то, что для мировых судей требуется имущественный ценз. Напротив, он говорит о нем как «о важном придатке» для мировых судей [2, с. 1035], т. к. только человек, обладающий имущественным цензом, знает все тяготы домовладательства и землевладательства, а значит, не будет простым кабинетным работником.

Однако Комиссия решила все же ограничить имущественный ценз, и внесла в правительственный законопроект поправку следующего содержания: лица, прожившие в данной местности 5 лет, вовсе освобождались от имущественного ценза. Но это мнение вовсе не было единодушным. Подобно тому, как и во II Госдуме, в 3-м созыве в Комиссии вызвал дискус-

сию вопрос об апелляционной инстанции для мировых судей. Комиссия III Думы согласилась с правительством, что председатель апелляционной инстанции будет назначаться министерством [2, с. 1036–1037].

Если Комиссия по преобразованию местного суда II Государственной думы во главе с Гессеном высказалась за полную отмену обычного права, то Комиссия по судебным реформам III Государственной думы во главе с Шубинским высказалась за сохранение его в наследственных и семейственных делах [2, с. 1038].

Далее слово было предоставлено министру юстиции – Щегловитову. Министр говорил в полном единодушии с докладчиком. Критикуя волостной суд, министр говорит, что эта инстанция пользуется в народе лишь презрением, что судьями становятся худшие из крестьян, так как лучшие не бросят своего хозяйства. При этом Щегловитов подвергает сомнению существование у крестьян того времени обычного права [2, с. 1048–1051].

По-мнению исследователя реформы местного суда начала XX века Р.В. Терентьева, правительство вводило имущественный ценз, руководствуясь политическими соображениями, т. к. не хотело допустить в судьи те слои населения, что были сторонниками оппозиции [6, с. 88–89]. Это же подтверждается процитированной депутатом М.Д. Чельшовым запиской Министерства юстиции [2, с. 1067–1068].

При обсуждении законопроекта в Думе выделилось несколько точек зрения. Правые, националисты и часть октябристов высказались за сохранение волостного суда и преобразование его по подобию гминного суда Привислинского края. Резко критиковался ими имущественный ценз.

Сразу после министра выступил депутат от Самарской губернии октябрист [3, с. 16] М.Д. Чельшов. В ответ на бесцеремонную критику волостного суда он обвинил правительство в недостаточном финансировании крестьянских волостных судов. Крестьянство всегда исправно платило налоги, однако на эти деньги не учили и не образовывали крестьян. Вместо этого правительство обогащает чиновников, поддерживает винокуренных заводчиков. По словам М.Д. Чельшова, даже если поставить в такие же финансовые условия городских просвещенных судей, в какие поставлены крестьянские суды, они будут судить не лучше. Правительство вовсе не советуется с многомиллионной массой крестьян, отменяя волостные суды [2, с. 1059–1061].

На порядок выборов мирового судьи и на земское самоуправление октябрист М.Д. Чельшов имел воззрения, не совпадающие ни с правительством, ни с большинством своей фракции: «Нам говорят, что исходя из правильных принципов, суд надо сделать выборным, но каким

выборным? Во-первых, кто будет выбирать? То земство, которое сейчас имеется? Гг. да ведь вы знаете, из кого оно состоит. В земство крестьянин допущен только для запаха» [2, с. 1062]. Чельшов также не соглашается с единоличностью местного суда, говоря, что единоличный судья – тот же чиновник, выступает депутат и против имущественного ценза, и вообще, по его словам, «весь этот законопроект направлен на то, чтобы судьями могли быть лица других сословий, но никак не крестьянского» [2, с. 1063].

Далее Чельшов зачитал обращение 45 крестьян-депутатов Государственной думы, написанное в Комиссию по судебным реформам, где те прямо говорят, что крестьянам заказан путь в такой мировой суд. Депутаты-крестьяне предложили, чтобы местный суд был коллегиальным и состоял из двух местных жителей с низшим образованием, а председател – местный житель со средним или высшим образованием. В пример ставились гминные и верхне-крестьянские суды в Царстве Польском и Прибалтике, где председателем был, как правило, помещик, а двумя заседателями крестьяне [2, с. 1066–1067].

Правый депутат от Волынской губернии М.С. Андрейчук высказался в защиту волостного суда, говоря, что среди мировых судей также есть пьяницы и взяточники [2, с. 1075]. Он говорил о необходимости преобразования волостного суда, написания для него законов, создания для него нормального материального обеспечения [2, с. 1077].

Националист Н.И. Крылов указал на отдаленность мировых судей, т. к. один судья предполагался на несколько волостей. Кроме того, у мирового судьи нужно будет платить пошлину [2, с. 1082–1083]. Примерно то же в своих речах сказали правые депутаты – старший товарищ секретаря Госдумы Замысловский, Данилюк и Шечков.

Член фракции националистов, избранный от православных Люблинской и Седлецкой губерний, епископ Евлогий заявил, что между народом и интеллигенцией лежит глубокая пропасть. Следовательно, отдавать суд в руки интеллигенции нельзя [2, с. 1270].

Если правые избегали критики волостного суда и земских начальников, то кадеты и прогрессисты критиковали их по всем пунктам. Прогрессист А.М. Масленников безоговорочно поддержал ликвидацию волостных судов и института земских начальников, назвав эти два учреждения сиаемскими близнецами [2, с. 1088]. Он подчеркивает, что имущественный ценз не требуется даже для министра, так зачем же требовать его для мировых судей [2, с. 1092]. Говорит прогрессист и о необходимости сначала демократизировать земство, а уж потом вводить мировой суд, иначе нынеш-

нее земство сделает мировыми судьями тех же земских начальников [2, с. 1095].

Главным критиком положений правительственного законопроекта стал кадет К.К. Черносвитов. Главной претензией его к законопроекту было то, что мировые судьи отдавались под надзор министра юстиции, а также то, что Министерство юстиции посылало на их съезд своего чиновника – коронного председателя [2, с. 1102]. Недоволен был Черносвитов и тем, что надзор за мировыми судьями поручается не только особому присутствию Правительствующего Сената, но и различным учреждениям при окружных судах и судебных палатах. Ограничивает несменяемость мировых судей, по мнению кадета, еще и то, что судью можно сместить, если судья не только делом, у него разбиравшимся, но и своим поведением заставил сомневаться в своей беспристрастности, его можно сместить, и в течение трех лет после этого он не может выставлять свою кандидатуру, для избрания на должность мирового судьи. Доказывает он и то, что имущественный ценз не обеспечивает судьям ни независимости, ни беспристрастности [2, с. 1103–1106, 1108–1109, 1136–1140]. Черносвитов также потребовал не распространять запрет занимать должности мировых судей на лиц, осужденных по политическим статьям [2, с. 1141–1143].

Свою речь Черносвитов закончил словами: «Господа, если вы хотите образовать самостоятельный суд, то не отдавайте его в руки министра юстиции, отданный в руки министра юстиции, этот суд будет не только плохой, это будет синоним никуда не годного суда» [2, с. 1151].

По поводу законопроекта выступал и правый кадет, московский адвокат В.А. Маклаков. В первую очередь он сказал, что, несмотря на то, что он является противником волостного суда, вполне понятно, почему у него столько защитников. Он также прямо заявил: «Покуда вы идею бессловного суда втискиваете в нашу жизнь, построенную на сословном начале, создастся то, что эта реформа покажется не триумфом бессловного начала, а подчинением одного сословия другому, подчинения крестьянства дворянству» [2, с. 1205–1206]. Поэтому необходима сначала демократизация земства. Но т. к. земская реформа пройдет нескоро, а деревню без суда оставить нельзя, необходимо выбирать судей собраниями избирателей вплоть до осуществления демократизации земства [2, с. 1206].

В вопросе же имущественного ценза, по сути дела, Маклаков обвинил правительство в двойных стандартах, говоря, что когда министерство назначает судей окружных судов и прочих высших инстанций, оно не требует никаких цензов. Наличие недвижимой собственности вовсе не является доказательством состоятельности и независимости судьи, ведь

эта собственность может быть заложена и перезаложена – вот главный аргумент Маклакова против имущественного ценза [2, с. 1209–1211]. Однако кадеты предлагали одобрить законопроект, надеясь внести в него поправки при постатейном втором чтении.

От Трудовой группы выступали Н.Я. Ляхницкий, А.И. Шило, А.А. Булат, Г.Е. Рожков. Ляхницкий прямо заявил, что уничтожение волостного суда – правильно. Однако пороки волостного суда не в том, что крестьянские судьи – пьяницы, как сказал докладчик Шубинской, а в его плохой организованности, в подчинении его земскому начальнику, в его зависимости от волостного писаря, в отсутствии писаного закона. Трудовик ясно заявил, что самостоятельность местного населения – то начало, которое нужно сохранить, и, отменяя волостной суд, не выплескивать с водою ребенка. Н.Я. Ляхницкий также говорил, что Трудовая группа обсуждала со своими избирателями вопрос о том, каким должен быть местный суд. Трудовики выступили за то, чтобы мировой судья был избираем населением участка. Ляхницкий ссылаясь на проведенное Трудовой группой анкетирование в 65 губерниях. По его данным, 72 % высказалось за избрание его населением, 28 % – за избрание домохозяевами, и лишь 4 % – за избрание земством. Трудовики выступали за отмену всех цензов, кроме образовательного, требуя непременно юридического образования или сдачи экзамена. При этом они были не против того, чтобы право быть мировыми судьями распространилось и на женщин. Мировой суд должен быть непременно коллегиальным (в анкетировании, проведенном трудовиками, за это высказалось 92 %). Трудовики предполагали участие в нем мировых заседателей, при этом их участие должно было бы оплачиваться [2, с. 1285–1295].

Трудовик А.А., Булат, подобно правым, ставит в пример организации местного суда – польский гминный суд [2, с. 1412]. При этом стенограмма ясно зафиксировала: Булату аплодировали не только на левых, но и на некоторых правых скамьях [2, с. 1412]. Подобно правым, трудовики требовали вернуть законопроект в комиссию на доработку.

Один из лидеров трудовиков Г.Е. Рожков прямо спросил: могут ли люди одного образования, но с разным имущественным цензом отличаться умственными способностями? Он подытожил выступления членов Трудовой группы тем, что зачитал их предложения: мировые судьи должны избираться на три года всем населением обоого пола мирового участка, из граждан обоого пола в возрасте от 25 лет, с высшим юридическим образованием или выдержавших соответствующее испытание. Также предполагался оплачиваемый институт мировых заседателей с

решающим голосом при рассмотрении всех дел, как уголовных, так и гражданских. Судопроизводство должно было вестись на местном языке [2, с. 1469, 1771].

Достаточно сдержанно отреагировали на реформу социал-демократы. Депутат Т.О. Белоусов сказал, что все реформы правительства нужно оценивать с классовых позиций. Однако по сути законопроекта сказал только то, что понимает, зачем власть и проправительственные партии настаивают на имущественном цензе. Только судья-землевладелец «несомненно создаст такой приговор, попросту покажет кузькину мать» [2, с. 1436]. Он сказал, что, судя по законопроекту, «судьями будут... или далекие по своему классовому положению от интересов демократии, или враждебно относящиеся к неимущим, и судьи по назначению» [2, с. 1578]. Кроме того, от имени социал-демократической фракции Белоусов также поддержал коллегиальное устройство местного суда.

Трудно согласиться с утверждением Терентьева, что фракцию октябристов можно отнести к безусловным сторонникам законопроекта [6, с. 94]. Среди октябристов не было единства. И показала это не только речь Чельшова, но и выступление С.В. Андропова, который высказал мнение, что мировых судей нужно назначать, а не выбирать [2, с. 1185–1186]. Его мнение вполне поддержал октябрист А.З. Танцов [2, с. 1224]. Октябрист Н.И. Капустин выступил против упразднения волостного суда [2, с. 1196]. Но большинство фракции «Союз 17 октября» поддерживало правительство.

Рассмотрение в Думе законопроекта о реформе местного суда характеризуется тем, что критиковался он как справа, так и слева. При этом и те, и другие выступали под вполне демократическими лозунгами. Оба крайних течения сходились в том, что при такой организации местного суда непременно будут ущемлены права крестьянского населения, т. к. крестьяне не смогут стать судьями. И те и другие сходились в том, что необходимо отменить имущественный ценз, а местный суд сделать коллегиальным по образцу гминного: председатель – с высшим образованием, а заседатели – простые крестьяне. Несколько раз в выступлениях представители двух крайних течений с удивлением говорили о своем согласии. Пуришкевич сказал, что согласен с кадетом Маклаковым, что законопроект нуждается в переработке [2, с. 1277]. Позиция левых вполне понятна. Для них было неприемлемо то, что данный закон не допускает в судьи демократические слои населения. У правых же были различные мотивы не поддерживать столыпинскую судебную реформу. Правые крестьяне, так же как и левые, защищали свои классовые инте-

ресы, правые дворяне были противниками данной реформы, т. к. для них был неприемлем курс П.А. Столыпина на построение правового государства [4, с. 88].

Стоит также отметить, что та организация суда, которую защищали социалисты и правые, затем будет воплощена в советской судебной системе. С этой точкой зрения соглашается и Р.В. Терентьев, говоря, что такое представление о справедливости – основа для упрочнения власти большевиков после 1917 г., основанной на диктатуре большинства над меньшинством [6, с. 93]. При этом, как видно из приведенного выше, ближе всех к советской форме организации суда оказались трудовики, требующие обязательного юридического образования для судьи-председателя.

Библиографический список

1. Герье В.И. Значение Третьей Государственной думы в Истории России. М., 1912.
2. Государственная дума. Третий созыв. Сессия третья. Стенографические отчеты. Ч. 1. СПб., 1910.
3. Государственная дума. Третий созыв. Сессия третья. Указатель к стенографическим отчетам. СПб., 1910. С. 16, 36
4. Дорошенко А.А. Правые в Государственной думе Российской империи. Самара, 2004.
5. Кабытов П.С. Столыпин и Государственная дума // Государственная дума Российской империи: традиции прошлого и настоящее. Пенза, 2006.
6. Терентьев Р.В. Реформа местного суда в России в начале XX в.: Историко-правовой аспект: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2005.